

В. Г. Белинский

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина

Виссарион Белинский

**Тоска по родине. Повесть.
Сочинение М. Н. Загоскина**

«Public Domain»

1839

Белинский В. Г.

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1839

ISBN 978-5-457-13741-7

Белинский был очень доволен своим ироническим отзывом о романе Загоскина, в то время занимавшего высокий пост (он был директором московских императорских театров). «...В самом деле, для успеха на литературном поприще довольно одного таланта, а г. Загоскин, кроме несомненного и притом сильного таланта, одарен еще и этою теплотою души нараспашку, которая свойственна только одному русскому человеку, и полон интересов, всем равно доступных, умея притом высказывать их хотя несколько и однообразным, но тем более всем равно доступным манером...»

ISBN 978-5-457-13741-7

© Белинский В. Г., 1839

© Public Domain, 1839

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Тоска по родине. Повесть.

Сочинение М. Н. Загоскина

*ТОСКА ПО РОДИНЕ. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина.
Москва. В тип. Николая Степанова. 1839. Две части. В 12-ю д. л. В I-й части 222, во II-й – 300 стр.*

Появление каждого нового романа г. Загоскина – праздник для российской публики. Едва узнает она, что любимый ее романист собирается ей сделать подарок, – она уже опускает нетерпеливые руки в карман; едва подарочек появится в книжных лавках – и уже нет его, уже он весь расхвачен, и российская публика, вынув обе руки из карманов, крепко держит ими три или две новенькие, изящно изданные книжечки. Одним словом, российская публика смотрит на г. Загоскина, как на *своего* писателя, да и г. Загоскин обращается с нею откровенно, запросто, по пословице – что на уме, то и на языке. Потому-то и романическая слава его утверждена на прочном основании. Публика не хочет и знать, что говорит о нем критика: она знает его сама, а на критику смотрит, как на непризванного судью в чужом семейном деле. Критика сперва было косилась на романы г. Загоскина, но после, увидев, в чем дело, положила себе за правило говорить о его романах заодно с публикою. И хорошо делает!

В самом деле, для успеха на литературном поприще довольно одного таланта, а г. Загоскин, кроме несомненного и притом сильного таланта, одарен еще и этою теплотою души нараспашку, которая свойственна только одному русскому человеку, и полон интересов, всем равно доступных, умея притом высказывать их хотя несколько и однообразным, но тем более всем равно доступным манером. Основная идея его романа – необходимость любви к отечеству и уважение ко всему отечественному. Конечно, всякая мысль, которая является вне художественного и литературного интереса, самостоятельно и особно от формы, принимая ее совершенно случайно, не как необходимое условие своего осуществления, но как средство высказаться, – такая мысль неизбежно делается отвлеченною и мертвою, а романы, порождаемые ею, *дидактическими*; и давно уже решено, что дидактическая поэзия – род фальшивый и чуждый вдохновения, – но этого несколько но должно относить к мысли, проповедуемой г-м Загоскиным: она так близка к сердцу каждого и сама по себе является столь интересною и обольстительною, что никогда не утратит своей силы над душами, как бы ни была странна и неудовлетворительна ее форма.

И романы г. Загоскина служат лучшим доказательством этого: несмотря на то, что г. Загоскин исчерпал всю глубину своей задушевной идеи, выказал ее нам со всех сторон, так что мы не знаем, что он будет говорить в своем новом романе, если вздумает написать его, – несмотря на это истощение дотла, его романы, благодаря согревающей их идее, всегда принимаются за новые, сообразно с годом, который выставляется на их заглавном листке.

Новый роман г. Загоскина отличается теми же недостатками, или, если угодно, теми же достоинствами, какими отличались прежние его романы. Постараемся заметить эти достоинства. Хотя роман давно уже прочтен российскою публикою, однако мы необходимо должны изложить, сколько можно короче, его содержание, чтобы представить нашим читателям данные, на которых основываем свое суждение о нем, и чтобы напомнить его тем, которые уже успели забыть его или смешать с другими романами того же автора, что очень возможно по однообразию их идеи и одинаковости рассказа.

Владимир Сергеевич Завольский, ныне отставной гвардии штабс-капитан, есть герой нового романа г. Загоскина; он сам рассказывает трогательную и поучительную историю своей жизни. Этот Завольский однажды катался на катере с другом своим, Иваном Алексе-

евичем Бурминым, лейтенантом балтийского флота. По приказанию Бурмина катер направился от Гагаринской пристани на Крестовский, между тем как приятели вели разговор, из которого мы узнаем, что Завольский отправляется завтра за границу, именно в Испанию, ибо он выучился по-испански, чтобы читать «Дон Кихота» в подлиннике, а не на восток, куда он собирался прежде и где ему пришлось бы таскать с собою переводчика. Сверх того, он в особенной страсти от Андалузии, в которой, как ему рассказывал друг его, англичанин, и шнуровок не знают, потому что каждая женщина создана так, что уж тут нечего делать никакой корсетнице. Во время этой амичальной конверсации^[1] небо нахмурилось, и с Ладожского озера пахнул резкий ветер, а за катером, шагах в десяти, плыл на ялике капитан-лейтенант Красноярский, большой чудак и нелюдим, у которого есть сестра от одной с ним матери, но от разных отцов и розно с ним воспитанная. Вдруг мимо катера проплыл зеленый дамский ридикюль; Завольский схватил было его, да как-то поскользнулся и упал в воду; но Красноярский вытащил его из воды, лишенного чувств. Завольского сломила горячка, а Красноярский уехал в Любек; ридикюль же сделался собственностью первого. В ридикюле был батистовый платок, на уголку которого вышиты литеры S и L, желтая атласная ленточка, черепаховая бонбоньерка с мятными лепешками, хрустальный флакончик с спиртом, уксус четырех разбойников^[2] и записочка на русском языке, которая была так размыта водою, что едва можно было прочесть несколько несвязных отрывчатых фраз и слов; из этих слов можно было заключить, что у владельницы ридикюля есть возлюбленный, которому она в этой записке назначила rendez-vous¹. Прежде отъезда за границу герою романа надо было побывать в Москве. Эта поездка дала ему повод вспомнить прежнюю гадкую дорогу между Москвою и Петербургом и сравнить ее с нынешним прекрасным шоссе; а это воспоминание и сравнение дали ему повод к энергической выходке против тех, которые упрямо и нелепо не хотят замечать успехов цивилизации и просвещения в своем отечестве. Энергическая выходка подала повод к поэтической аллегории о России. Но о том и другом скажем после, чтобы не прерывать нити занимательного рассказа. В Москве Завольский отправился гулять на Воробьевы горы, пришел в восторг от местоположения, которое в самом деле так неизъяснимо очаровательно, что совсем не нужно ни быть записным патриотом, ни нападать на французский язык и французские обычаи, чтобы восхититься им. Тут герой увидел толстого купца, который под дубом пил чай с еще толстейшею сожительницею своею и тремя разурмяненными дочками. Завязался интересный разговор, дышащий любовью к родине и нерасположением к Кузнецкому мосту; купец запотчевал было чуть не насмерть Завольского чаем, а тот насилу ушел. Жаль, что автор здесь не воспользовался случаем описать *сожительство-то*: баба толстая, говорит дишкантом и предобрая, – вот все, что мы узнаем о ней от автора; а полсамовара, ведра в три объемом, который она влила в свою поместительную утробу; а пот, крупными каплями катившийся с красного, как вареный рак, лица в блюдечко, грациозно поддерживаемое под носом всею пятернею, – это уж дополняйте сами... Потом Завольский попал в какой-то сад и заплутался в лабиринте так, что выбился из сил, а выхода не нашел, хотя сначала и с некоторого иронического улыбкою взглянул на дощечку с подписью: «Вход в лабиринт». Тут бы ему и умереть голодною и лютою смертию, и занимательному роману не бывать; но вдруг он находит на дорожке женские перчатки, а в двух шагах от себя за густым шпалерником слышит женские голоса. Это была тетушка с племянницею, которую она называла «Сонюшкою». Любезный Завольский перекинул им перчатки, о которых они говорили, а они сказали ему, как выйти из лабиринта. Надо прибавить, что голос у «Сонюшки» был так сладостен и благозвучен, как только может быть у героини романа, и что герой оно, слушая его, «весь превратился в слух и притаил дыхание, чтобы не проронить ни одного слова». Когда он вышел из сада, то у ворот его увидел карету, к которой под-

¹ свидание (франц.). – Ред.

ходили две дамы, вероятно, те самые, с которыми он так *заочно* познакомился; естественно, что он ускорил шаги, чтобы увидеть ту, которая его *очаровала* своим «ангельским» голосом, но опоздал: кучер погнал лошадей – и след простыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Амикальная конверсация – дружеская беседа (от франц. conversation amicale).

2.

Уксус четырех разбойников – особое снадобье, которое предохраняло от заразы и которое многие дамы постоянно носили при себе после эпидемии чумы в 1831 г.